
АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Ранний железный век

ТОМ
III

КАЗАНЬ
2021

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

УДК 902
ББК 63.443

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

A87 Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 3. Ранний железный век / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. – Казань: Изд-во АН РТ, 2021. – 676 с.: ил.

ISBN: 978-5-9690-1951-6, 978-5-9690-0954-7

Третий том «Археологии Волго-Уралья» включает результаты новейших исследований раннего железного века. Том охватывает древности I тысячелетия до н. э., с IX в. до н. э. вплоть до II/III вв. н. э. и содержит описание основных археологических культур Волго-Уралья. В первой части книги основное внимание уделено первой фазе раннего железного века, когда в степной зоне были распространены ранние кочевники – скифы, савроматы и др., а в лесной зоне обитали носители ананьинской, городецкой и других археологических культур, входившие в периферию скифо-сибирского мира. Культуры второй фазы раннего железного века рассматриваются во второй части тома, которая включает сарматский мир в степной зоне и постананьинский в лесной. Подробно характеризуются поселенческие и погребальные памятники, жилые сооружения, хозяйство и социальные отношения населения раннего железного века как степной, так и лесной ландшафтных зон.

The third volume on the “Archaeology of the Volga-Urals” presents the results of the latest studies of the early Iron Age. The volume covers the antiquities of the 1st millennium BC, from the 9th century BC to the early 1st millennium AD until the 2nd/3rd centuries AD, and describes the main archaeological cultures of the Volga-Urals. The primary focus of the first part of the book is the first phase of the Early Iron Age, when the early nomads – the Scythians, Savromats, and others were widespread in the steppe zone, and the carriers of the Ananyino, Gorodets and other archaeological cultures, who were part of the periphery of the Scytho-Siberian world, lived in the forest zone. The cultures of the second phase of the Early Iron Age are addressed in the second part of the volume, which includes the Sarmatian world in the steppe zone and the Post-Ananyino world in the forest zone. The publication features detailed characteristics of the settlement and burial monuments, residential buildings, economy and social relations of the population of the early Iron Age both in the steppe and forest landscape zones.

ISBN: 978-5-9690-1951-6, 978-5-9690-0954-7

DOI: <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2021.3>

*Многотомное издание «Археология Волго-Уралья» подготовлено
и издано за счет средств Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2024 годы)»*

© Институт археологии АН РТ, 2021

© Изд-во АН РТ, 2021

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛ.-КОРР. АКАДЕМИИ НАУК РТ
А.Г. СИТДИКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ

А.А. ЧИЖЕВСКИЙ (ответственный редактор)

С.В. КУЗЬМИНЫХ

А.В. ЛЫГАНОВ (секретарь)

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Археология Волго-Уралья
в 7 томах

ТОМ I	КАМЕННЫЙ ВЕК
ТОМ II	ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК
ТОМ III	РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
ТОМ IV	ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
ТОМ V	ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ ФИННО-УГОРСКИЙ МИР ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ КОЧЕВНИКИ (VIII – НАЧАЛО XIII ВВ.)
ТОМ VI	ПЕРИОД УЛУСА ДЖУЧИ (ВТОРАЯ ТРЕТЬ XIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV ВВ.)
ТОМ VII	ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (СЕРЕДИНА XV–XVII ВВ.)

Авторы тома III:

АСЬКЕЕВ И.В.
АШИХМИНА Л.И.
БАРЦЕВА Т.Б.
БЕРНЦ В.А.
БУГРОВ Д.Г.
ВАСКУЛ И.О.
ВОЛКОВА Ек.В.
ВОЛКОВА Ел.В.
ВОРОБЬЕВА С.Л.
ГАЗИМЗЯНОВ И.Р.
ГОЛДИНА Р.Д.
ГОЛУБЕВА Ю.В.
ГРИШАКОВ В.В.
ЗАВЬЯЛОВ В.И.
ЗУБОВ С.Э.
КИТОВ Е.П.
КОРЕНЮК С.Н.
КУЗЬМИНЫХ С.В.
ЛЕЩИНСКАЯ Н.А.
МЫШКИН В.Н.
МЯСНИКОВ Н.С.
ОЧИР-ГОРЯЕВА М.А.
ПАТРУШЕВ В.С.
ПЕРЕСКОКОВ М.Л.
САПРЫКИНА И.А.
САТТАРОВ Р.Р.
СКРИПКИН А.С.
СТАВИЦКИЙ В.В.
СТАШЕНКОВ Д.А.
ТАГИРОВ Ф.М.
ТАИРОВ А.Д.
ТЕРЕХОВА Н.Н.
ХОХЛОВ А.А.
ЧЕРНЫХ Е.М.
ЧИЖЕВСКИЙ А.А.

ГЛАВА 6

БАССЕЙН РЕКИ ВЯТКИ НА РУБЕЖЕ ЭР

Корпус археологических источников в бассейне р. Вятки рубежа I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. многочислен, а культурное единство памятников было обозначено лишь во второй половине – конце XX столетия. Вместе с тем отдельные памятники известны с XIX в., прежде всего благодаря работам С.К. Кузнецова на могильнике «Атамановы Кости» (1877, 1881 гг.), им же получены первые сведения о Воробьевском могильнике. В 1887–1988 гг. А.А. Спицын, обследуя вятские укрепленные поселения, начинает раскопки Буйского городища, дальнейшие исследования которого выявили значительный материал рубежа эр. В научный оборот А.А. Спицыным вводится информация о Никульчинском, Вершинятском, Скорняковском, Кривоборском, а П.А. Пономаревым – об Аргыжском городищах, которые с точки зрения сегодняшнего знания с большой долей вероятности функционировали в среднепьяноборское время. В 20–30 гг. XX в. источниковая база пополняется материалами сборов 1919 г. и раскопок в 1927 г. М.Г. Худяковым Воробьевского могильника; рекогносцировочными раскопками в 1929 г. М.В. Талицким Буйского городища. Значимым этапом в изучении древностей первой половины I тыс. н. э. в Вятском бассейне были работы в 1955–1956 гг. В.Ф. Генинга на Буйском городище, Азелинском и Суворовском могильниках. Яркие и оригинальные материалы, полученные прежде всего при раскопках некрополей, дали основание В.Ф. Генингу выделить их в самостоятельную азелинскую археологическую культуру III–V вв. н. э. (Генинг, 1963), в карту которой были включены Воробьевский и «Атамановы Кости» могильники. Идею о выделении азелинской культуры в эти годы активно оспаривает А.П. Смирнов, который вслед за М.Г. Худяковым относил вятские могильники первой половины I тыс. н. э. к пьяноборской археологической культуре III в. до н. э. – V в. н. э., включая Воробьевский и «Атамановы Кости» могильники во 2-й этап (I–III вв.) пьяноборья (Смирнов, 1964). Масштабные археологические исследования в бассейне р. Вятки осуществляются в 1970–90-е гг. при ведущей роли Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского госуниверситета под ру-

ководством Р.Д. Голдиной. В частности, открыт и изучен Ошкинский могильник конца I–III в. н. э. (Лещинская Н.А.), выявлена группа ранних погребений на Первомайском могильнике конца I–V в. н. э. (Макаров Л.Д., Голдина Р.Д.). Раскопки на Никульчинском (Макаров Л.Д.), Аргыжском (Черных Е.М., Ванчиков В.В.), Кривоборском (Лещинская Н.А.), Вершинятском (Шутова А.В.) городищах позволили сделать предположение о возможном использовании их площадок в среднепьяноборское время. В 1976–1981 гг. специалистами ИЯЛИ Коми филиала АН СССР (Ашихмина Л.И.) и Удмуртского госуниверситета (Шутова Н.И.) полностью изучено многослойное Буйское городище. В 1976 г. сотрудниками Удмуртской археологической экспедиции Удмуртского института истории, языка и литературы УрО АН СССР в левобережной части р. Чепцы, левого притока р. Вятки, было обнаружено несколько погребений II–III в. Городищенского могильника (Наговицын Л.А.). В 1993 г. в ходе археологического обследования окрестностей г. Кирово-Чепецка экспедицией Кировского областного краеведческого музея (Сенникова Л.А.) собран подъемный материал II–VI в. с разрушенного Баевского могильника. В результате сформировался небольшой, но выразительный источник, позволяющий выявить особенности вятского корпуса археологических памятников рубежа I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.

В научном сообществе по культурной атрибутике вятских памятников этого времени сложилось в основном две традиции. Вслед за В.Ф. Генингом (1963), П.Н. Старостинным (1990; 1997; 2001) считать их появление результатом смещения части чегандинского населения из Камско-Бельского междуречья на территорию вниз по Каме, вплоть до Волги и на Вятку и относить к раннему этапу (II–III вв.) формирования классической азелинской археологической культуры III–V вв. Эта точка зрения поддерживалась Б.Б. Агеевым (1992), А.Х. Халиковым (1992), позиционируется в работах казанских, марийских исследователей. Вторая традиция восходит к мнению М.Г. Худякова (1933), А.П. Смирнова (1964), рассматривающих памятники азелинского типа

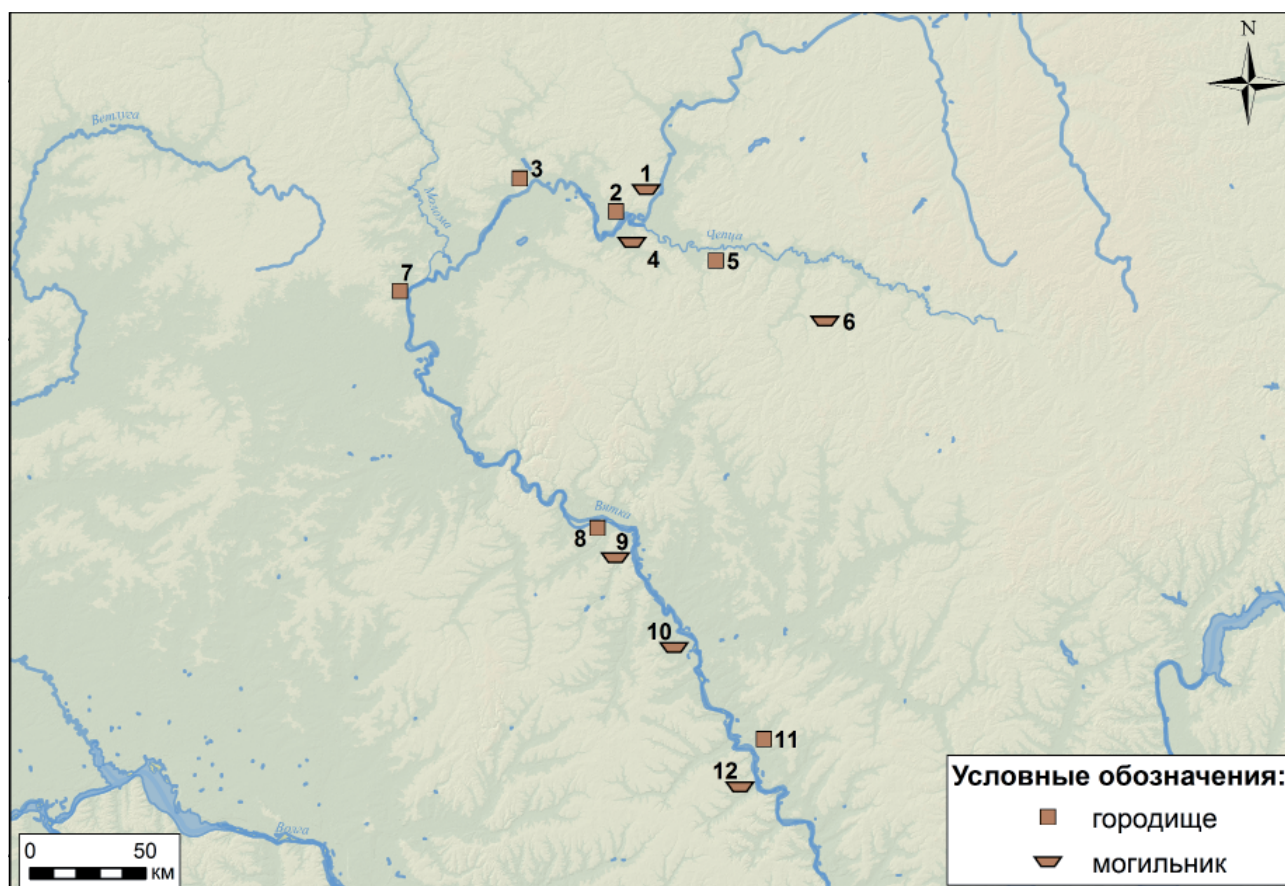

Рис. 1. Распространение основных пьяноборских памятников рубежа эр бассейна р. Вятки

1 – Первомайский могильник; 2 – Никкульчинское городище; 3 – Вершинягское городище; 4 – Баевский могильник; 5 – Кривоборское городище; 6 – Городищенский могильник; 7 – Скорняковское городище; 8 – Буйское городище; 9 – Ошкинский могильник; 10 – Воробьевский могильник; 11 – Аргыжское городище; 12 – Атамановы Кости, могильник

поздним этапом пьяноборской культуры. Это положение поддержано и обосновано Р.Д. Голдиной (Голдина, 1987; 1999; Голдина, Лещинская, 2018). Древности первой половины I тыс. н. э. на Вятке объединены Р.Д. Голдиной в худяковскую археологическую культуру – вятский локальный вариант пьяноборской культурно-исторической общности с истоками в местной ананьинско-раннепьяноборской среде. Памятники конца I – начала III вв. составляют первую «ошкинскую» стадию развития худяковской культуры, хронология которой обоснована эволюцией погребальных комплексов (Лещинская, 2014). Возможность для удревления этих дат связана с перспективой выделения переходного ананьинско-раннепьяноборского городищенского комплекса керамики.

Известные вятские памятники рубежа эр группируются в среднем и нижнем течении р. Вятки, преимущественно на правом берегу, и на левобережье нижнего течения р. Чепцы, левого притока р. Вятки (рис. 1). Источниковая база для периода первых веков н. э. представлена в основном материалами 6 погребальных памятников. Среди них полностью изученные Ошкинский могильник

конца I – III в. (32 погребения, из них 15 с четкими комплексами конца I – начала III в.) и Первомайский некрополь конца I – V в. (12 погребений раннего облика из 76). Информативны 4 погребения и вещевые сборы Воробьевского, 2 погребальных комплекса Городищенского могильников II–III вв., находки из разрушенных Баевского некрополя II–VI вв. и могильника «Атамановы Кости».

Могильники грунтовые, небольшие, занимают мысовые площадки коренных берегов Вятки, Чепцы или их притоки. Судя по Ошкинскому и Первомайскому некрополям, типично рядовое расположение могил. Захоронения совершались в могильных ямах подпрямоугольной формы с закругленными углами. Нередко фиксировались сильно сглаженные углы, при которых форма ямы стремилась к овальной. Стенки ям слегка наклонные, дно уплощенное. В устройстве нескольких могильных ям Ошкинского могильника выявлены подпрямоугольные углубления на 5–15 см в придонной части, в области преимущественно костей таза и ног, что в продольном профиле могилы фиксируется как уступ. Анализ могильных ям по размерам на основе антропологических определений

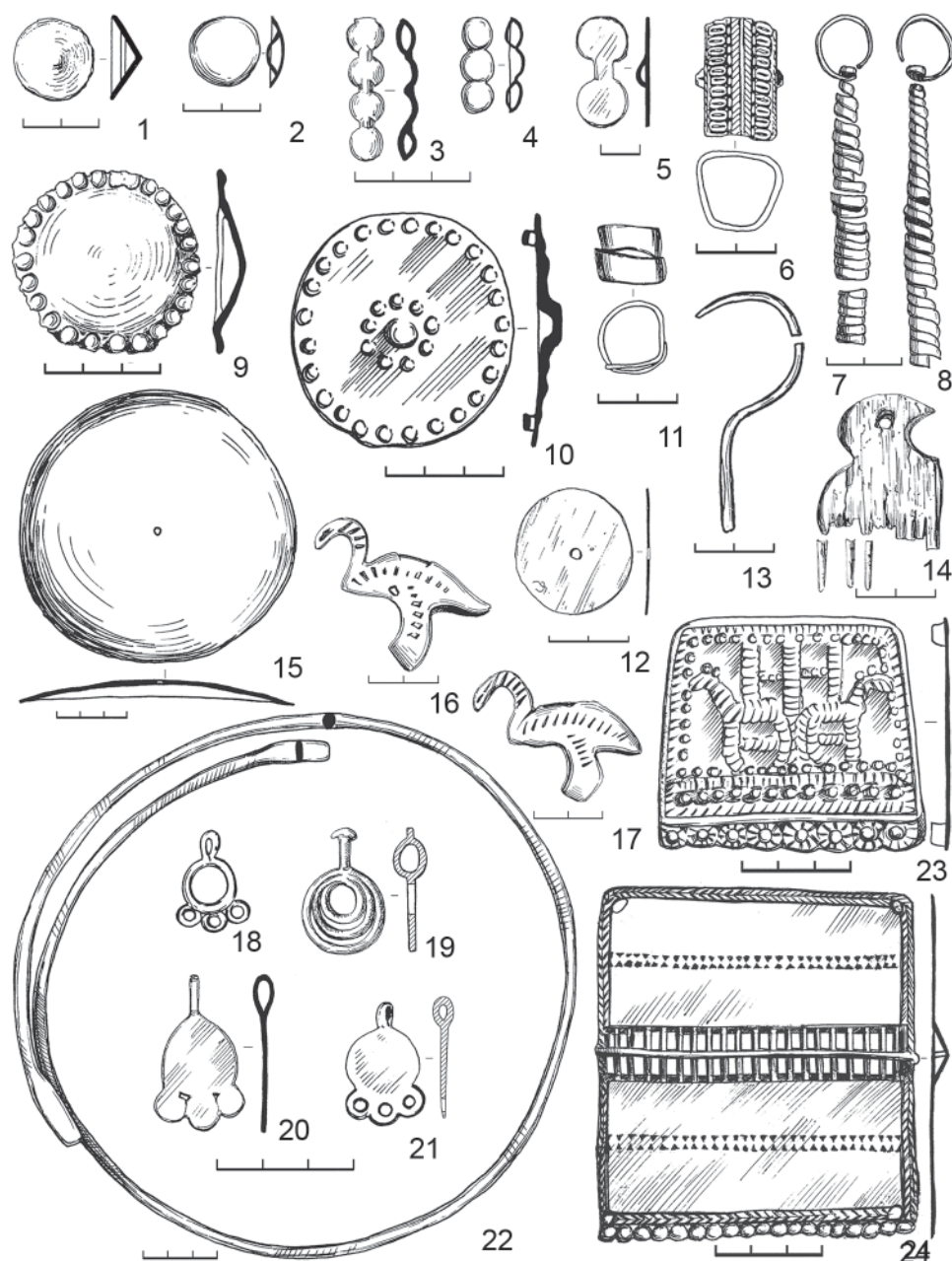

Рис. 2. Украшения из вятских могильников рубежа эр: 1–13, 15–24 – бронза; 14 – кость

Ошкинского могильника выявил, что показатели длины и ширины связаны с половозрастным составом погребенных и в целом соответствуют их антропологическим данным. Наиболее устойчивый диапазон глубины могильных ям ранних захоронений памятника во всех возрастных группах 30–50 см. (Лещинская, 2014, с. 17, 18). При этом жесткой связи между глубиной могил и количеством/качеством погребального инвентаря не выявляется. Пожалуй, только одно женское погребение, являясь самым глубоким (70 см), демонстрирует богатый и разнообразный по набору инвентарь (Лещинская, 2014, прил. I, табл. 34–37). О характере внутримогильных конструкций судить сложно ввиду малой информативности источника.

Можно предполагать, что, скорее всего, чаще применялись варианты мягкого обертывания. Косвенно на это может указывать характер компактного расположения костей и инвентаря, без следов коллод, в большинстве ранних захоронений Ошкинского некрополя. Незначительные фрагменты на дне от деревянных конструкций зафиксированы в единичных случаях (Лещинская, 2014, табл. XIX).

Все захоронения одиночные, совершены по обряду ингумации. Умершие укладывались вытянуто на спине. В расположении рук погребенных преобладает стандартная позиция – вдоль тела. В ориентации костяков чаще наблюдается просеверная направленность с отклонениями к востоку (Ошкинский могильник) или западу (Первомайский

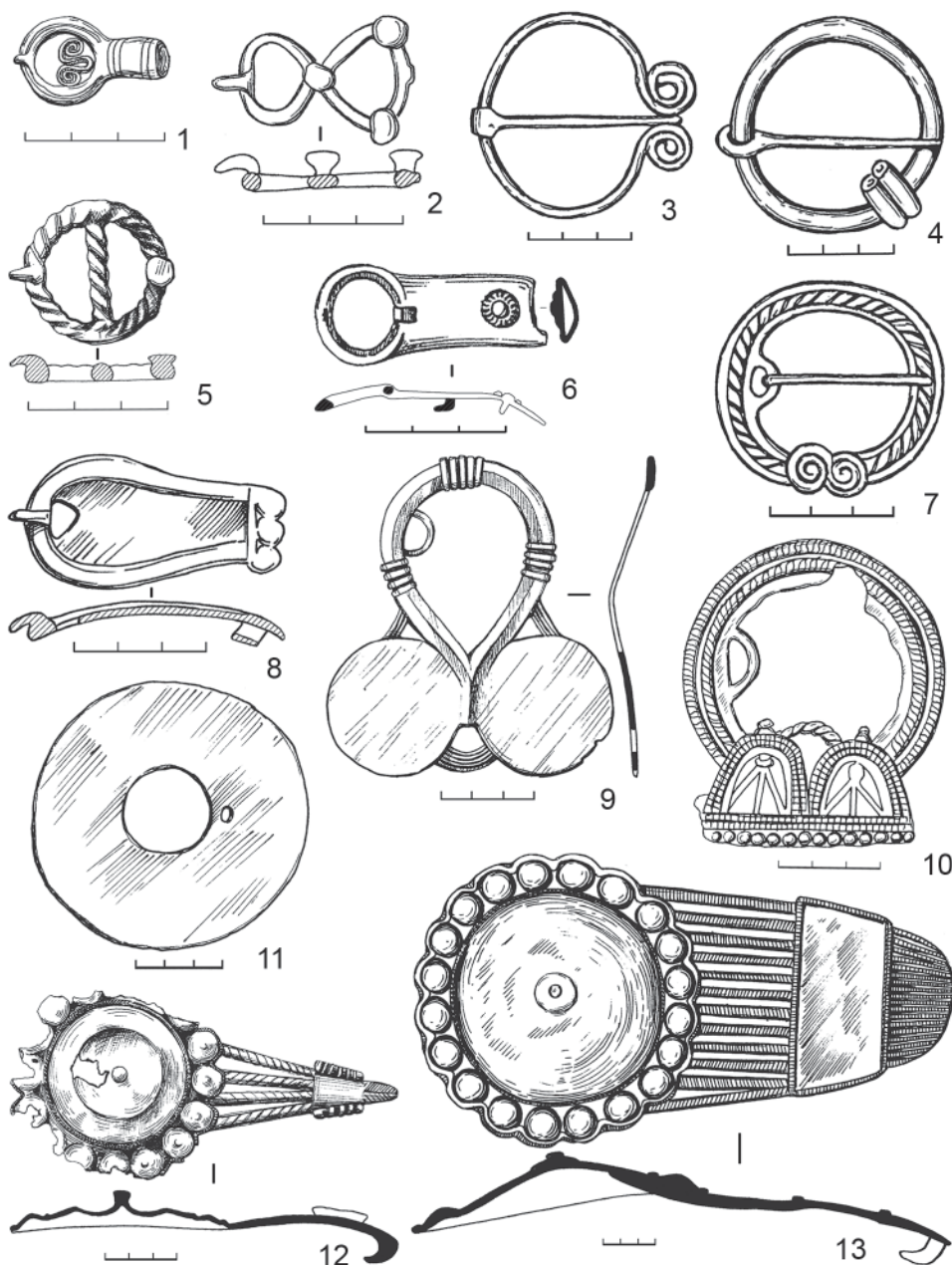

Рис. 3. Бронзовые застёжки из вятских могильников рубежа эр

могильник). Как правило, для каждого памятника характерна мононаправленность, за исключением Воробьевского могильника, где в равной пропорции зафиксирована северная и южная ориентация костяков. При этом все памятники демонстрируют общую особенность – погребенные укладывались ногами, реже головой, к реке. «Речная» ориентация умерших достаточно устойчивая традиция в погребальной практике пьяноборских культур Прикамья с истоками в ананьинской КИО и трансляцией в последующие периоды.

Большинство погребений сопровождаются инвентарем. Наибольшим разнообразием отличаются детали костюмного комплекса, которые располагались так, как использовались при жизни

ни, за исключением украшений, включенных в жертвенный комплекс. Для мужского костюма в основном характерны бляхи, железные рамчатые пряжки. Намного выразительнее женский костюм (рис. 4). Наиболее типичными его элементами были височные подвески в виде знака вопроса с конической витой трубицей; разные варианты бляшек – украшения головных уборов, платья, обуви; круглопроволочные или витые гривны, иногда с мелкими подвесками; лапчатые, зооморфные пронизки; пластинчатые нагрудные бляхи; сьюльгамы; бляхи-застежки; спиралевидные или крупные щитковые перстни (рис. 2; 3). Наиболее богатая поясная гарнитура (чаще встречаемая в жертвенных комплексах) включала эполетообраз-

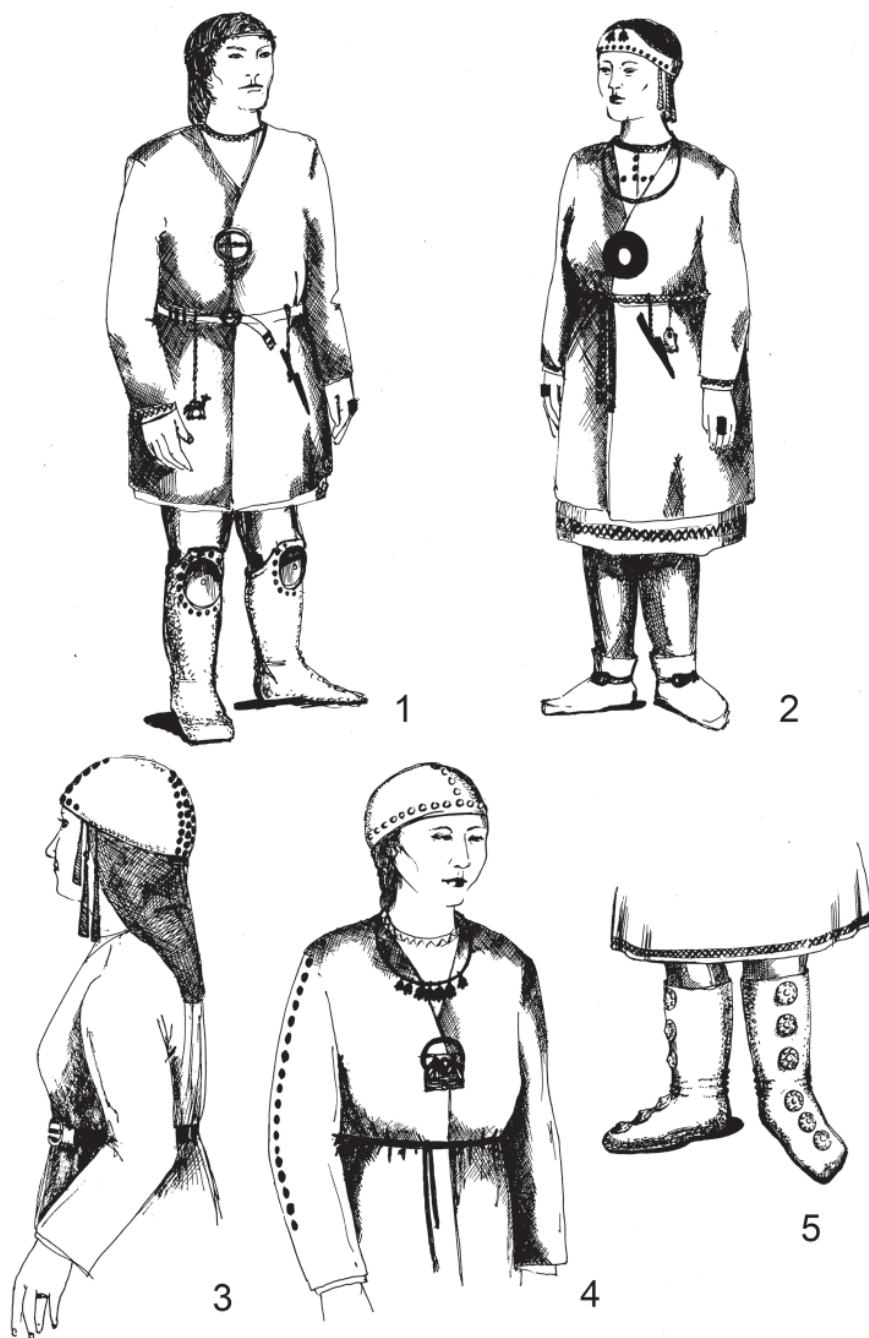

Рис. 4. Ошкинский могильник. Костюмные комплексы
1 – п. 27; 2 – п. 28; 3 – п. 11; 4 – п. 22; 5 – п. 25. Реконструкции выполнены Л.И. Липиной

ные застёжки (рис. 3: 12, 13), многозвеньевые бронзовые бляшки (рис. 2: 3, 4). Скорее всего, к поясу могла прикрепляться бронзовая пронизь с уточками на концах. Обувь украшалась и одновременно фиксировалась застёжками с неподвижным крючком, крупными бронзовыми прогнутыми бляхами. Вятский погребальный костюм первых веков н. э. демонстрирует как широкие параллели с камско-бельскими пьяноборскими памятниками, так и стилистическое своеобразие многих категорий украшений. Кроме того, в нем четко фиксируются истоки традиционного азелинского

костюма III–V вв. Это тип височных подвесок со свисающим витым стержнем, эполетообразные застёжки, бляхи-застёжки, сьюлгамы, пронизки, использование мотива коня в металлопластике. Богато украшенные азелинские шапочки стали развитием небольших круглых головных уборов на мягкой основе, орнаментированных мелкими полусферическими бляшками, из погребений Ошкинского могильника (рис. 4: 3, 4). Пластинчатые азелинские нагрудники, вероятнее всего, эволюционируют из массивных прямоугольных нагрудных блях II – начала III в. (рис. 2: 24).

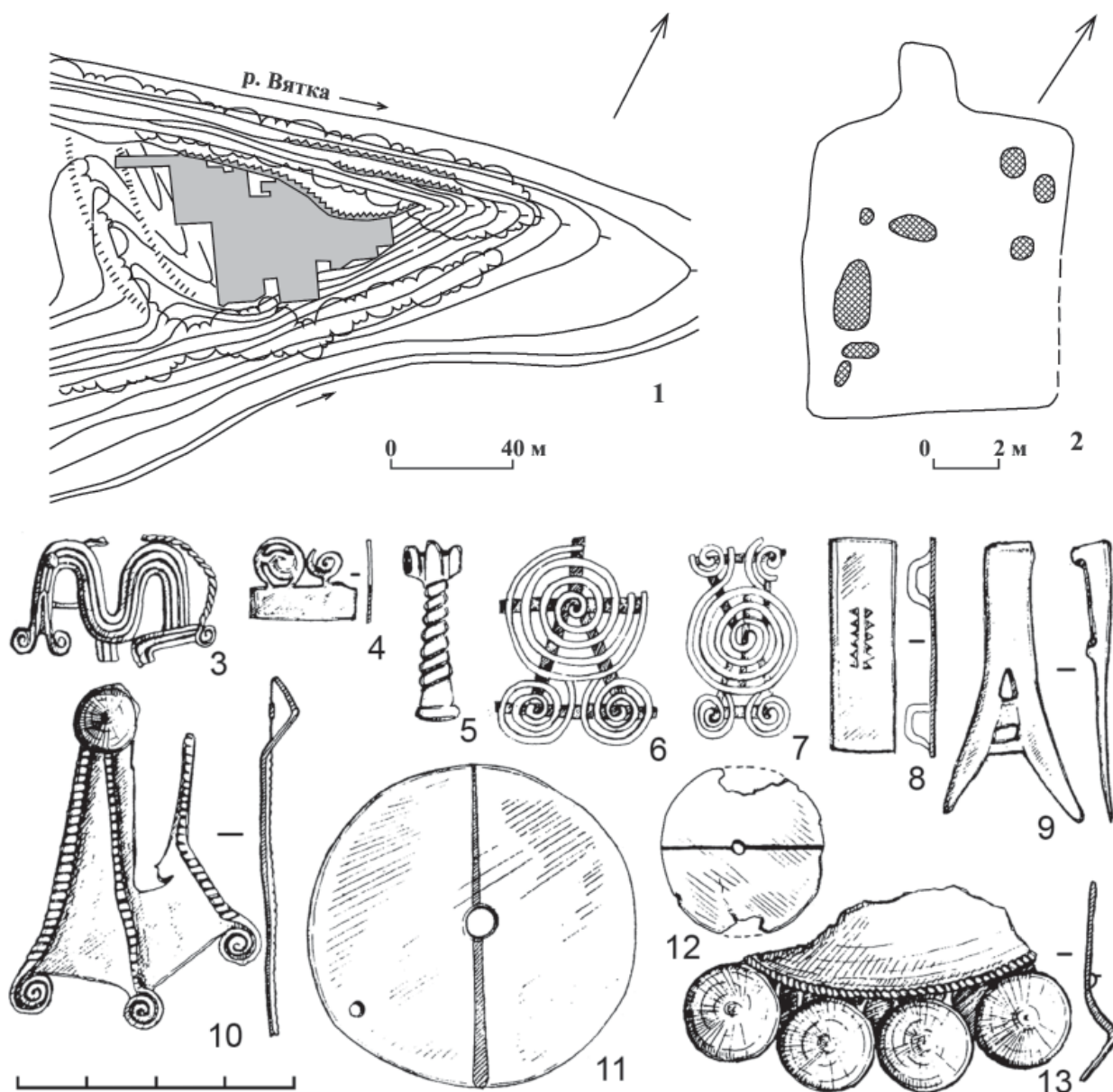

Рис. 5. Буйское городище

1 – общий план городища; 2 – жилище 5 (по: Черных, 2008), 3–13 – бронзовые украшения рубежа эр с площадки и жилищ

Наиболее распространенной категорией бытового инвентаря являются ножи, которые одинаково часто встречаются как в мужских, так и женских захоронениях всех возрастов. Расположение ножей в мужских погребениях в области пояса, бедренных костей предполагает их прикрепление к ремню. В женских захоронениях, кроме поясного крепления, достаточно часто ножи фиксировались в области груди. В большинстве женских захоронений находкам ножей сопутствуют шилья, в мужских погребениях ножи встречаются вместе с топорами. Другие орудия труда и бытовой инвентарь представлены единичными экземплярами: ложки, мотыжка, костяные крючок и гребешок. Возможно, преобладанием в выборке погребений

I – начала III вв. женских захоронений можно объяснить факт отсутствия предметов вооружения, за исключением находки двулезвийного меча в п. 2 Городищенского могильника (Наговицин, Семенов, 1978, с. 120, табл. II: 4). Судя по материалам Ошкинского могильника, наконечники стрел (преимущественно костяные), копий, предметы конской упряжи, меч появляются в основном в погребениях второй половины III в., и в целом воинская субкультура проявляется слабо. Это демонстрируют и ранние погребения Первомайского некрополя. Полностью отсутствует в вятских погребениях I – начала III вв. глиняная посуда.

Традиционным элементом погребального обряда вятских памятников I тыс. н. э. является разме-

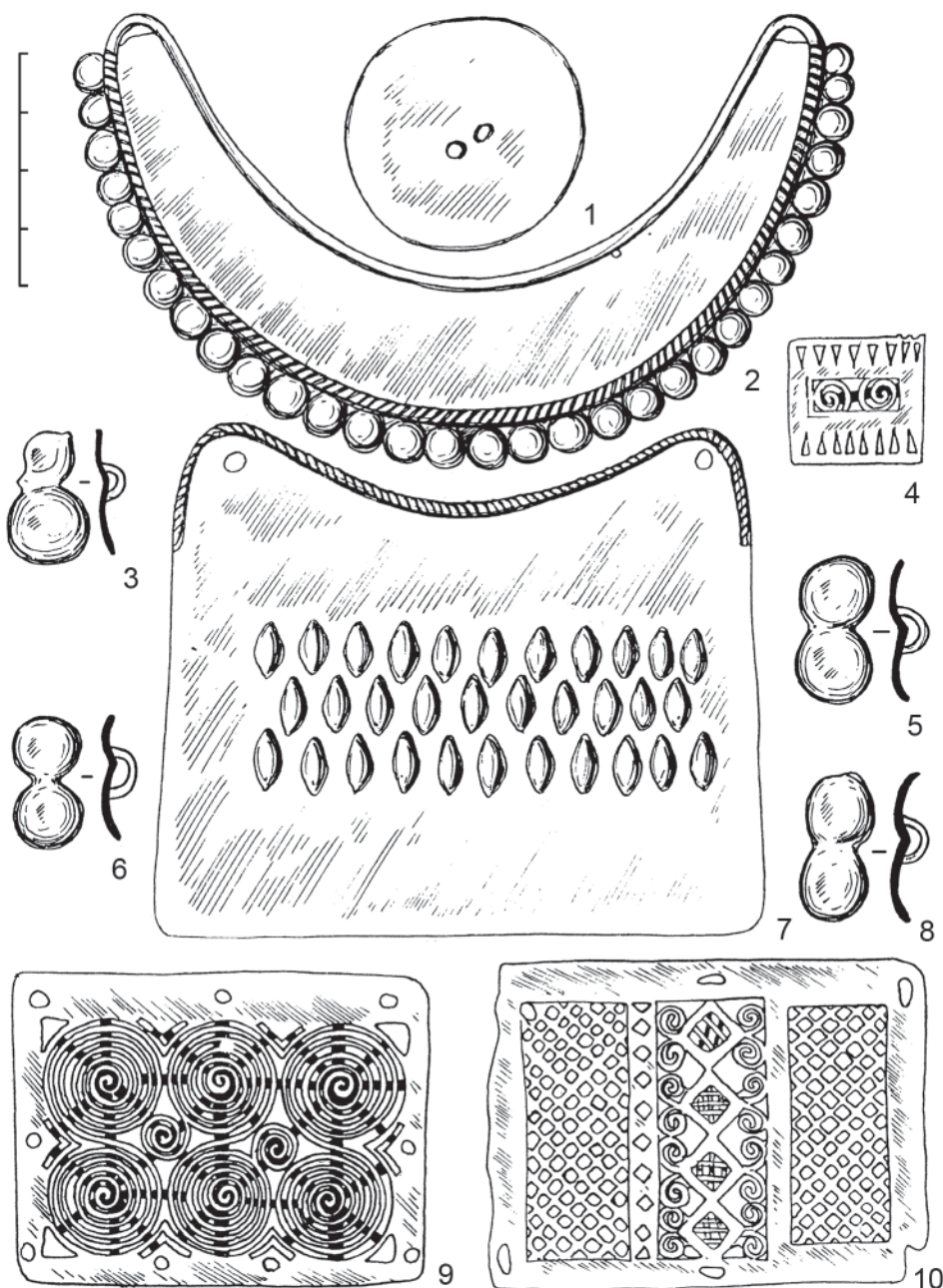

Рис. 6. Буйское городище

Бронзовые украшения из клада 1: 1, 3, 5, 6, 8 – бляшки; 2, 7 – шейно-нагрудные украшения; 4, 9, 10 – накладки

щение части инвентаря компактным скоплением в определенной части могильной ямы: «жертвенный комплекс» (по В.Ф. Генингу), «подарочный набор» (по Р.Д. Голдиной), «дары» (по И.В. Белоцерковской), «жертвенно-ритуальный комплекс» (по Т.Б. Никитиной). Самая ранняя группа вятских погребений с ЖК выявлена на Ошкинском могильнике. Из пяти захоронений с ЖК на памятнике 4 ЖК датируются II – началом III в. Все ранние ЖК сопровождают женские захоронения в возрасте от 11 до 35 лет (Лещинская, 2014, табл. XXXIII). Относительно костюма ЖК располагались в области ног (справа, слева вдоль ног или между ног в области колен). В качестве контейне-

ра для ЖК чаще выступала перевернутая крупная эполетообразная застежка, в единичных случаях кожаная и берестяная емкости. В состав ЖК входили шейно-нагрудные украшения: бисер, бронзовые бусы, нагрудные пластины, бляхи, бляшки, мелкие подвески, которые не дублировали металлопластику основного костюма. В большинстве случаев набор ЖК дополнялся элементами поясной гарнитуры: эполетообразными застежками, многозвеньевыми бляшками, пронизками-уточками, при отсутствии украшений и деталей ремня на костяке. Можно отметить, что в данном случае ЖК – это погребальный набор с дополнительными комплектами украшений костюма. В ЖК ино-

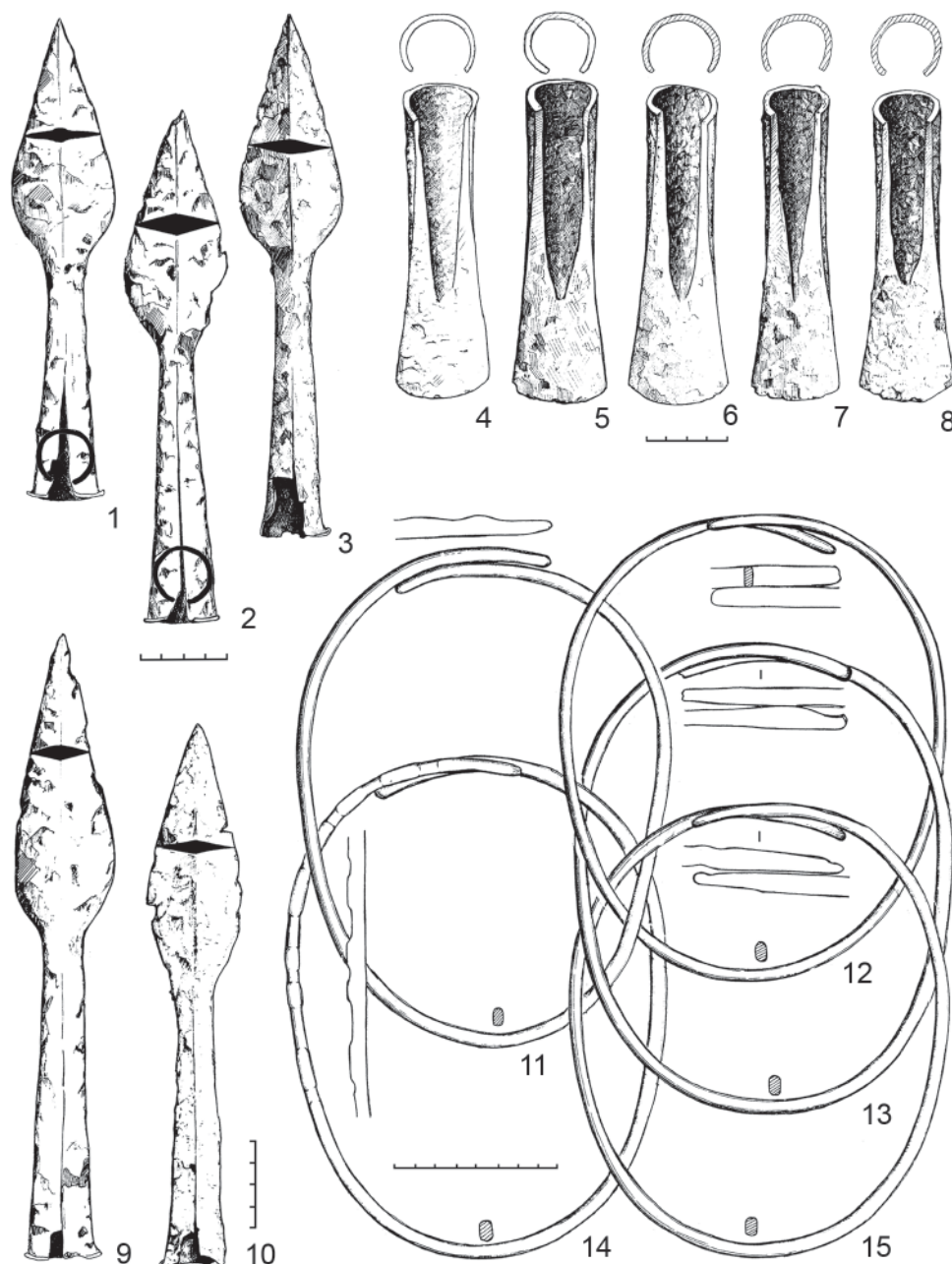

Рис. 7. Буйское городище. Клад 2

1–3, 9, 10 – железные наконечники копий; 4–8 – железные кельты, 11–15 – бронзовые гривны

гда входили ножи, редко другие бытовые изделия (гребешок).

Несмотря на небольшую выборку вятских погребений с ЖК, можно отметить их связь по этому признаку с камско-бельскими пьяноборскими памятниками. К общим признакам относится сочетание ЖК с ингумацией; помещение в погребение чаще всего одного ЖК; более высокая степень корреляции ЖК с женскими захоронениями, чем с мужскими. Локальная специфика больше фиксируется по признакам местоположения и составу ЖК. Так, если на вятских могильниках преобладает позиция ЖК в области ног, то для среднекамских некрополей, судя по Тарасовскому могиль-

нику, более выражена тенденция размещения ЖК в области головы. В состав ЖК пьяноборских памятников Средней Камы и низовьев р. Белой чаще всего входили височные подвески, бисер, бусы (Голдина, Сабиров, Сабирова, 2015, с. 44, илл. 225), для вятских наборов ЖК более характерны шейно-нагрудные и поясные украшения. Больше вариантов на Вятке и типов контейнеров для ЖК, в отличие от использования только берестяного короба на среднекамских памятниках.

Невыразительны для ранних вятских погребений артефакты, связанные с поминально-обрядовыми сопроводительными действиями при захоронении умершего. Это единичные случаи на-

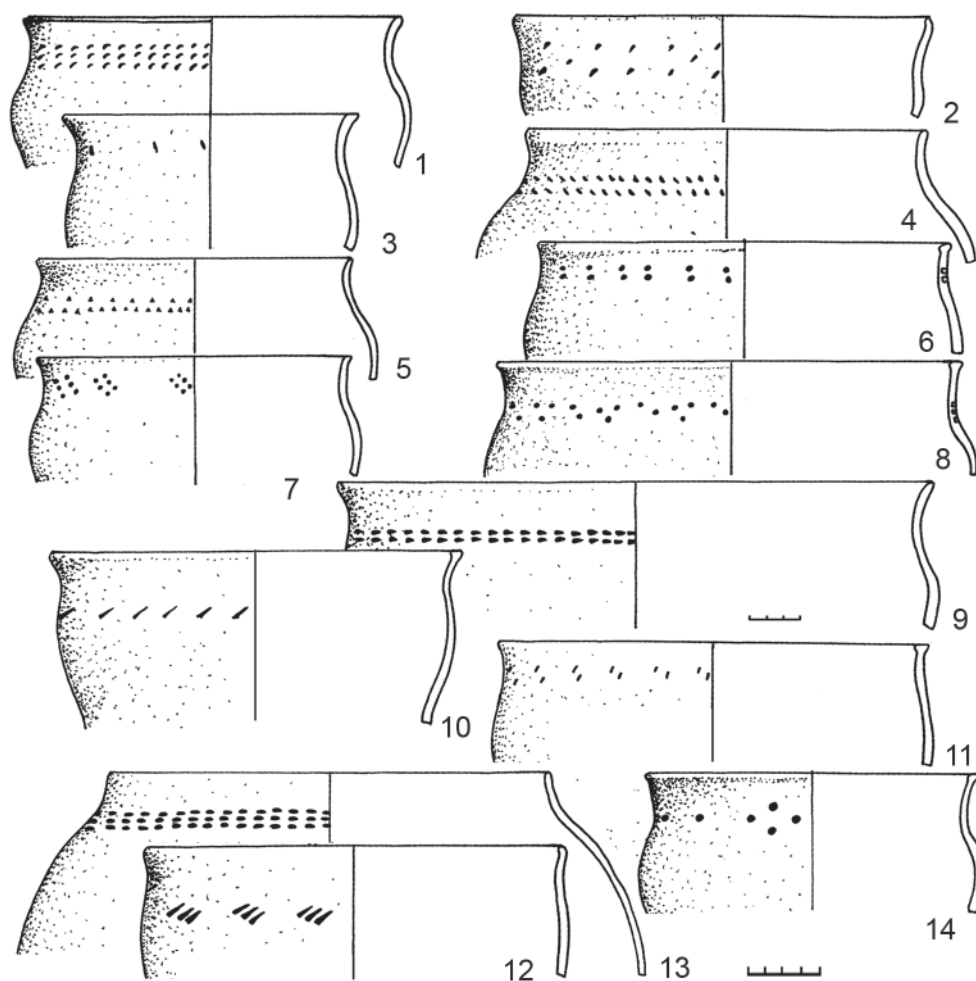

Рис. 8. Буйское городище. Керамика рубежа эр

ходок зубов животных в погребениях Ошкинского могильника (Лещинская, 2014, с. 28). Следы культа огня в погребальной практике четко начинают фиксироваться на вятских памятниках не ранее середины – второй половины III в.

Поселенческие памятники пьяноборского времени на Вятке изучены слабо. Для периода рубежа эр наиболее информативны только материалы полностью раскопанного Буйского городища на правобережье среднего течения р. Вятки (материалы опубликованы фрагментарно: Ашихмина, 1987; 1992; 2003; Ашихмина, Черных, 1989; Шадрин, 2001; первое предварительное обобщающее исследование подготовлено авторским коллективом археологов УдГУ в формате проекта гранта РГНФ за 2004 г.). Городище занимает высокий (26 м) мыс, образованный небольшой речкой Кужинеркой и р. Вяткой, площадью 2500 кв. м. Памятник многослойный, площадка его кратковременно начинает использоваться с эпохи камня, бронзы, но как постоянное укрепленное поселение функционирует с ананьинского времени до середины I тыс. н. э., вероятно, без длительных периодов запустения. Есть на памятнике и материал

второй половины I – начала II тыс. н. э. Оборонительная система городища включала вал – ров и укрепления склонов, ее особенности закладываются еще в ананьинское время и модернизируются в последующие периоды. Так, наблюдения исследователей за стратиграфией буйского вала уже в ананьинском горизонте выявили следы обугленного дерева в сочетании с меловыми, углистыми прослойками, прокаленность грунта, которые указывают на возведение каких-то дерево-земляных укреплений. По мнению Е.М. Черных, это могли быть каркасно-столбовые конструкции, встроенные внутрь тела вала со стороны площадки городища. В раннепьяноборское время высота вала увеличивается за счет земли при выравнивании площадки городища, на месте сторевших деревянных конструкций возводятся новые. Усиливается фортификация наиболее пологих склонов и мыса: подрезка склонов, укрепление границ глиняными вымостками, возможно, с устройством здесь дополнительных сооружений.

На площадке городища в процессе раскопок зафиксированы следы 5 жилищ разных хронологических периодов. Из них на рубеже I тыс.

до н. э. – I тыс. н. э. с большой долей вероятности функционировало два сооружения (жилища 4, 5), расположенных в ряд по центральной линии от вала к мысовой части. Полностью изученное жилище 5 (рис. 5: 2) может быть реконструировано скорее как наземный бревенчатый сруб прямоугольной формы площадью примерно 89,3 кв. м, со слабо углубленным земляным полом, с выходом в виде выступа в северо-западной торцевой стене в сторону Вятки. С жилищем связано 8 очагов, локализованных как в центре, так и в углах, или смещенных к стенам постройки. Очаги представляли собой обычные кострища, часто с обкладкой из камней песчаника. Характер очагов, особенности их размещения и характер сопутствующих находок предполагает их разное функциональное назначение. Часть мелких кострищ могла быть результатом переноса или чистки очажных устройств. Три самых мощных кострища были основными хозяйственными очагами. Среди них выделяется крупное центральное отопительное устройство, слегка смещенное от оси «вход – очаг». В правой половине жилища, ближе к южному углу, противоположному от входа, фиксируется система очагов с находками (фрагмент литейной формы, костяные наконечники стрел, фрагменты керамических сосудов со следами ошлакованности, кусочек охры, кости животных, в том числе медвежьей челюсти), указывающими на совмещение здесь производственной и культовой деятельности. С камско-бельскими пьяноборскими, гляденовскими жилищами вятские постройки сближают применение наземного сруба, его размеры. Вятская локальная специфика проявилась в расположении части очагов в периферийных зонах жилища, отсутствии хозяйственных ям, архаичности оформления входа выступом (Черных, 2008, с. 56, 64, 65).

В пределах очертаний буйских жилищ найден разнообразный вещевой инвентарь, но только часть его, расположенного в придонной части котлована, может нести информацию о времени функционирования сооружений. Это спиралевидные ажурные бляшки-накладки, плоские круглые бляшки (рис. 5: 6, 7, 12), которые встречаются в чегандинских погребальных комплексах I в. до н. э. – II в. н. э., в вятских погребениях I–II вв. С рубежом тысячелетий связан и клад, обнаруженный у внешней стенки одного из жилищ (клад 1). Он составлен из бронзовых украшений, среди которых есть широко распространенные пьяноборские изделия: восьмеркообразные полусферические бляшки, ажурно-прорезная накладка и комплекс оригинальных нагрудных пластин, орнаментальные композиции которых выполнены в стиле чегандинских украшений I в. до н. э. – II в. н. э. (рис. 6).

Помимо жилищ на Буйском городище, в приваловой части, выявлена система очагов, которая говорит о длительном существовании здесь производственных площадок, связанных с металлургическим производством, преимущественно цветной металлообработкой. Однако подавляющее число пьяноборских объектов были разрушены или перестроены в раннесредневековый период. С раннепьяноборским временем здесь уверенно можно соотнести комплекс из нескольких очагов и ямы с уникальным кладом (клад 2), включающим 186 железных кельтов, 9 железных наконечников копий и 5 бронзовых гривен (рис. 7). Автор раскопок Л.И. Ашихмина датировала клад IV–III вв. до н. э. – II–III вв. н. э. (Ашихмина, 1987, с. 118). Наиболее архаично в нем выглядят бронзовые гривны, которые по стилистике ближе к карабызским вариантам IV–III вв. до н. э. из Уфимского (Збруева, 1952, табл. VI: 18) и Охлебинского (Пшеничнюк, 1968, рис. 6: 8) могильников Башкирии, чем к гривнам ранних погребений I–II вв. н. э. близкого к Буйскому городищу Ошкинского могильника. Более широкий хронологический диапазон дают кельты и наконечники копий, которые могли встречаться как в позднеананьинских памятниках, так и в первые века н. э. Вряд ли изделия из клада (за исключением бронзовых гривен) аккумулировались в течение столь длительного времени. Скорее всего, орудия труда и оружие были изготовлены местным мастером и сокрыты в первых веках I тыс. н. э. Уникальность клада связана с фактом массового производства стандартной продукции, явно превышающей потребности домашнего хозяйства и предназначенной на сбыт для более широкой округи. Это говорит о возможности начала естественного процесса специализации в металлообрабатывающем производстве в достаточно ранний, чем считалось прежде, период. В приваловой части городища обнаружена и большая часть бронзовых изделий с хронологическим диапазоном I в. до н. э. – II в. н. э. (рис. 5: 4, 8, 11). Однако факт разноуровневого залегания находок (от 10 до 80 см от поверхности) может говорить об их концентрации здесь и в результате выравнивания площадки городища в поздние периоды.

К числу объектов на городище, возникших в ананьинское время и функционирующих в пьяноборский период, можно отнести своеобразную подпрямоугольную площадку (9×6 м) на южном склоне, пространственно оформленную по углам скоплениями камней. Комплекс признаков сооружения: упорядоченное размещение камней в сочетании со скоплениями костей животных определенного вида (преимущественно черепа, челюсти медведя, лошади, бараньи астрагалы), очажное

пятно, столбовая яма (?) и вещевого набор (костяные наконечники стрел, зернотерки, амулеты из суставных костей животных) – дают основание считать это культовым объектом – святилищем.

В культурном слое городища в ходе раскопок обнаружены останки 11 человеческих костяков (10 взрослых, 1 детский), из них 4 – на внутреннем склоне вала и 7 – на площадке памятника. К общим особенностям захоронений можно отнести: отсутствие могильных ям, безынвентарность, в большинстве случаев это неполные скелеты, у многих отсутствуют черепа, в ряде случаев отмечается раздробленность костей, следы обожженности. Не фиксируется соблюдение традиционного погребального ритуала, пожалуй, за исключением одного элемента – погребенные ориентированы ногами к реке. Все это больше указывает на погибших жителей поселка во время штурма городища (Ашихмина, Черных, 1989; Черных и др., 2002, с. 68, 69). Наиболее вероятное время этого события – первые века н. э. На это указывает приуроченность 5 костяков к котлованам раннепьяноборских жилищ и сокрытие в это время двух кладов.

Керамические комплексы рубежа эр на Буйском городище стратиграфически не выделяются. Затрудняет характеристику посуды этого времени слабое представление на сегодняшний день о переходных типах от позднеананьинской керамики к раннепьяноборской и отсутствие погребальной посуды. Вместе с тем, ориентируясь на комплекс керамики, зафиксированной в околоочажной зоне буйского пьяноборского жилища 4 (Ашихмина, 1978, рис. 46), можно отметить, что это были лепные, круглодонные, слабо или средне профилированные сосуды, с примесью раковины в тесте, орнаментированные двумя горизонтальными рядами мелких круглых или подтреугольных вдавлений. Из культурного слоя площадки городища им близка посуда с низкой степенью орнаментированности из несложных комбинаций ямочных вдавлений, отсутствием сочетаний различных приемов нанесения декора (рис. 8). Подобная посуда происходит и с Кривоборского (Оруджов, 2017, рис. 4: 10; 9: 8; 13: 6), в меньшей степени со Скорняковского (Чижевский и др., 2016, с. 51, 52, рис. 44: 3, 5) городищ.

Системного анализа характера, структуры экономики вятского населения на рубеже эр не проводилось. Наиболее достоверные данные, основанные на остеологической коллекции Буйского городища, указывают на значительную роль животноводства в системе хозяйственного комплекса. Анализ костей животных (Петренко, 1984, с. 127, 128, рис. 33; 35; Косинцев, Пластеева, 2004) показал, что значимых различий между ананьинским и последующими пьяноборскими периода-

ми нет. Соотношение между костями домашних и диких животных колеблется в пропорции 72:28 и 64:36 соответственно, что говорит, с одной стороны, о значимости животноводческой продукции в питании вятского населения, с другой – о существенной роли охоты в системе жизнеобеспечения этноса. В структуре домашнего стада, по данным П.А. Косинцева, первую позицию занимала лошадь, вторую и третью – свиньи и крупный рогатый скот. Остатки мелкого рогатого скота, с преобладанием костей овцы, малочисленны. Таким образом, в животноводстве ведущую роль играло коневодство. Анализ возраста забоя лошадей привел П.А. Косинцева к выводу о неспециализированном коневодстве с разнообразным использованием животных: для получения мяса, возможно, молока и для хозяйственных работ. В мясном питании заметна роль свиноводства. Внимание уделялось и разведению крупного рогатого скота с комплексным (мясо-молочное направление) использованием животных.

Большое значение имела и охота с тенденцией увеличения ее роли в пьяноборскую эпоху, по материалам Буйского городища. Судя по преобладанию костных остатков лося, охота имела выраженное мясное направление. Второе место занимают кости медведя с преобладанием костей черепа, что подтверждает его особую роль в религиозно-культовой практике вятского населения. Костей промысловых пушных зверей немного (преобладают бобр, волк, куница, заяц), что не отражает реальный уровень развития пушного промысла. На поселение могли доставляться только шкурки животных (Петренко, 1984, с. 127).

Несомненно, что для хозяйственно-культурного типа была характерна комплексность и, кроме животноводства, определенную роль играло земледелие. Однако определить реальное соотношение этих видов в системе производящего хозяйства вятского населения достаточно сложно. При раскопках памятников, в том числе Буйского городища, не выявлено зернового материала. К археологическим артефактам, указывающим на занятия земледелием, относятся находки железных топоров, мотыжек, фрагментов зернотерок, железных кельтообразных орудий (Ашихмина, 1987, с. 109–118). Косвенно с культурой земледелия можно увязать находку костяного гребешка с изображением птицы из п. 30 Ошкинского могильника (рис. 2: 14). Профиль головки птицы напоминает представителя семейства воробьиных, зерноядных, постоянных спутников человека, которые особенно распространяются там, где есть земледелие (Шаталов, 2002, с. 289–291, рис. 1–3). Естественно-географические условия Вятского бассейна (зоны средней и южной тайги, смешан-

ных хвойно-широколиственных лесов), ассортимент орудий труда больше указывают на подсечно-огневое земледелие, но его роль в системе хозяйства остается открытой.

О достаточно высоком уровне развития цветной и черной металлургии говорит факт массового производства стандартной продукции из железа (клад Буйского городища), разнообразие бронзовых украшений костюма. Однако многие технологические аспекты получения сырья, металлообработки по материалам вятских памятников рубежа эр или не изучались, или исследовались эпизодически. В научный оборот введены лишь результаты химического состава бронзовых изделий Ошкинского могильника (Лещинская, Орехов, 2007; Перевошиков, Сабирова, 2014) и данные металло-

графического анализа железных наконечников копий из клада Буйского городища (Шадрин, 2001).

Обращаясь в целом к вятским материалам конца I – начала III вв. н. э., стоит обратить внимание на явные параллели в погребальном обряде, поселенческой культуре, вещевых и керамических комплексах с пьяноборскими памятниками Удмуртского Прикамья, низовьев р. Белой, бассейна р. Ик. Вполне правомерно предположить, что каждая территориальная группа памятников была частью единой культурно-исторической общности, проявляя специфику на уровне локального своеобразия. На основе вятских памятников рубежа эр в регионе формируется азелинский горизонт древностей середины III–V вв.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Ранний железный век в Волго-Уралье и на севере Восточной Европы <i>(Кузьминых С.В., Чижевский А.А.)</i>	5
Территориальное деление и природно- географические условия Волго-Уралья в раннем железном веке <i>(Аськеев И.В.)</i>	11
Территориальное деление и природно- географические условия региона на Европейском Северо-Востоке в раннем железном веке <i>(Голубева Ю.В.)</i>	19

Часть первая

Первая фаза раннего железного века Волго-Уралья

Раздел I

Культуры севера степной зоны IX–VII – II вв. до н. э.

Глава 1 Переходный период от бронзового века к железному в степной зоне Волго-Уралья <i>(Таиров А.Д.)</i>	26
Глава 2 Кочевники предсавроматского и савроматского времени <i>(Мышкин В.Н.)</i>	39
Глава 3 Культура кочевников скифской эпохи степей Нижнего Поволжья (вторая пол. VI–IV вв. до н. э.) <i>(Очир-Горяева М.А.)</i>	68
Глава 4 Раннесарматская (прохоровская) культура <i>(Скрипкин А.С.)</i>	85
Глава 5 Цветная и черная металлообработка в степях Волго-Уралья в раннем железном веке	106

Цветная металлообработка у ранних кочевников Южного Приуралья (савромато-сарматская эпоха) <i>(Барцева Т.Б.)</i>	106
---	-----

Технологические характеристики железных изделий второй половины I тыс. до н. э. с территории Южного Приуралья и Поволжья <i>(Завьялов В.И., Терехова Н.Н.)</i>	111
--	-----

Глава 6

Антропология ранних кочевников «савромато-сарматского» облика Волго-Уралья <i>(Китов Е.П., Хохлов А.А.)</i>	115
--	-----

Раздел II

Культуры лесной и лесостепной зоны Волго-Уралья

Глава 1 История изучения и историографии Ананьинской культурно-исторической области. <i>(Чижевский А.А., Черных Е.М.)</i>	126
---	-----

Глава 2 Ананьинская культурно-историческая область. Культура текстильной керамики (акозинско-ахмыловская) <i>(Чижевский А.А., Кузьминых С.В., Патрушев В.С.)</i>	141
--	-----

Глава 3 Ананьинская культурно-историческая область. Постмаклашеевская культура. Памятники белогорского типа <i>(Чижевский А.А., Волкова Е.В.)</i>	162
---	-----

Глава 4 Ананьинская культурно-историческая область. Ананьинская классическая культура (шнуровой керамики) <i>(Чижевский А.А., Черных Е.М., Коренюк С.Н.)</i>	186
--	-----

Глава 5 Ананьинская культурно-историческая область. Вятско-ветлужская культура (гребенчато-шнуровой керамики) <i>(Черных Е.М., Чижевский А.А.)</i>	217
--	-----

Глава 6		Раздел II	
Памятники ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока (<i>Васкул И.О., Ашихмина Л.И.</i>)	242	Культуры лесной и лесостепной зоны Волго-Уралья	423
Глава 7		Глава 1	
Кара-абызская культура. Ранний этап. Гафурийский и убаларский типы (<i>Воробьева С.Л.</i>)	288	Кара-абызская культура III в. до н. э. – II в. н. э. (<i>Воробьева С.Л.</i>)	424
Глава 8		Глава 2	
Городецкая культура (<i>Ставицкий В.В.</i>)	313	Пьяноборская культурно-историческая общность (<i>Голдина Р.Д., Лецинская Н.А.</i>)	443
Глава 9		Глава 3	
Памятники городецкой культуры в Самарском Поволжье (<i>Волкова Е.В.</i>)	339	Пьяноборская культура. Поселенческие памятники (<i>Черных Е.М., Бугров Д.Г.</i>)	454
Глава 10		Глава 4	
Чурачикский могильник (<i>Мясников Н.С.</i>)	346	Могильники Среднего и Нижнего Прикамья (<i>Голдина Р.Д., Бернц В.А.</i>)	475
Глава 11		Глава 5	
Цветная и черная металлургия в лесной и лесостепной зоне Волго-Уралья VIII – IV/III вв. до н. э.	354	Кипчаковский комплекс памятников раннепьяноборского времени (<i>Зубов С.Э., Саттаров Р.Р., Тагиров Ф.М.</i>)	503
Цветная металлургия ананьинской культурно-исторической области и ее изучение (<i>Кузьминых С.В., Сапрыкина И.А.</i>)	354	Глава 6	
Чёрная металлургия в лесной и лесостепной зоне Волго-Уралья в IX – II вв. до н. э. (<i>Завьялов В.И., Терехова Н.Н.</i>)	365	Бассейн р. Вятки на рубеже эр (<i>Лецинская Н.А.</i>)	527
Часть вторая		Глава 7	
Вторая фаза раннего железного века Волго-Уралья		Памятники гляденовской культурно-исторической общности Среднего Прикамья (<i>Коренюк С.Н., Перескоков М.Л.</i>)	539
Раздел I		Глава 8	
Культуры севера степной зоны	373	Памятники гляденовской культурно-исторической общности на территории Европейского Северо-Востока (<i>Васкул И.О.</i>)	562
Глава 1		Глава 9	
Среднесарматская культура (<i>Мышкин В.Н.</i>)	374	Антропология лесной и лесостепной зоны Волго-Уралья (<i>Волкова Е.В., Газимзянов И.Р.</i>)	598
Глава 2		Литература	608
Памятники писеральско-андреевского типа (<i>Зубов С.Э., [Гришаков В.В.], Мясников Н.С.</i>)	392	Список сокращений	657
Глава 3		Именной указатель	659
Памятники позднескифского круга в Среднем Поволжье (<i>Сташенков Д.А.</i>)	410	Указатель географических названий	662

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

ТОМ III

Утверждено к печати
Институтом археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук РТ

Под общей редакцией
Ситдикова А.Г.
Художник
Садыков Р.Р.
Картографы:
Сайфутдинова Г.М., Вафина Г.Х.
Корректор
Першагина И.А.
Оригинал-макет
Асылгараева Г.Ш.

На 1 странице обложки:
бронзовая булавка
раннего железного века
с навершием в виде хищника
из Новомордовского I могильника

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 27.12.2021 г.
Формат 60×84 ¹/₈
Печать офсетная. Усл. печ. л. 78,59
Общий тираж 800 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии

16+